

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
ЕВРАЗИЙСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. Л.Н. ГУМИЛЕВА
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ И ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ (КАЗАХСТАН),

УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГОРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ (РОССИЯ)
КАФЕДРА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ И ДЕЛОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

ТЕКСТ В СИСТЕМЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ И ЛИТЕРАТУРЕ

Материалы X Международной
научно-практической конференции

г. Екатеринбург, 2022

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
НАО «ЕВРАЗИЙСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. Л.Н. ГУМИЛЕВА»**

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУВО «УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГОРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

**ТЕКСТ В СИСТЕМЕ ОБУЧЕНИЯ
РУССКОМУ ЯЗЫКУ И ЛИТЕРАТУРЕ**

**Екатеринбург
2022**

УДК 81'42
ББК 81.2-5
Т 32

Редакционная коллегия:

Е.А. Журавлёва (отв. ред., Казахстан), Л.Г. Юсупова (отв. ред., Россия),
Ж.А. Джамбаева, Г.К. Аюпова, Д.С. Ташимханова (Казахстан)

Т 32 Текст в системе обучения русскому языку и литературе:
материалы X Международной научно-практической конференции / Отв.
ред. Е.А. Журавлёва, Л.Г. Юсупова. – Екатеринбург: Изд-во УГГУ, 2022. –
360 с.

ISBN 978-5-8019-0535-8

Сборник содержит статьи участников X Международной научно-практической конференции «Текст в системе обучения русскому языку и литературе», организованной по инициативе кафедры теоретической и прикладной лингвистики ЕНУ им. Л.Н. Гумилева (Казахстан) совместно с кафедрой иностранных языков и деловой коммуникации УГГУ (Россия). Материалы посвящены тексту как объекту лингвистического исследования, его функционированию в поликультурном пространстве, интерпретации художественного текста, отражению в тексте русской культуры, внедрению новых информационных технологий в преподавание русского языка и литературы.

Издание предназначено широкому кругу научных работников и преподавателей, а также докторантам, магистрантам и студентам, интересующимся проблемами исследования текста.

УДК 81'42

ISBN 978-5-8019-0535-8

© Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилёва, 2022

© Уральский государственный горный университет, 2022

© Авторы, постатейно, 2022

11. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты: монография. М: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.

12. Томахин Г.Д. Реалии – американизмы. Пособие по страноведению: учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высш. шк., 1988. 239 с.

13. Хазимуллина Е.Е. Лингвокультурное пространство Урала: учебное пособие. Уфа: БГПУ имени М. Акмуллы, 2016. 175 с. // [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://e.lanbook.com/book/76605> (дата обращения: 09.04.2022).

УДК 81.139

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ КАК ФОРМА КОММУНИКАЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Нургазина А.Б., Исенова Ф.К.

Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева

г. Нур-Султан, Казахстан

В статье характеризуются способы коммуникативного взаимодействия текста извне и авторского текста. Другие тексты привлекаются автором для обеспечения полного понимания текста читателем для раскрытия сюжета произведения, для создания диалогичности героев разных текстов.

Ключевые слова: интертекстуальность, двутекст, диалогизация, межтекстовое взаимодействие, аллюзия, цитата, коммуникация.

INTERTEXTUALITY AS A FORM OF COMMUNICATION IN A LITERARY TEXT

The article characterizes the ways of communicative interaction of the text from the outside and the author's text. Other texts are involved by the author to ensure a complete understanding of the text by the reader to reveal the plot of the work, to create dialogic characters of different texts.

Key words: intertextuality, two-text, dialogization, intertext interaction, allusion, quotation, communication

Актуальность исследования интертекстуальности как способа коммуникативного взаимодействия автора художественного текста и автора текста извне обусловлена в настоящее время не изученностью данного феномена в теории текста. Во многих исследованиях в рамках текста рассматривается коммуникативный диалог автора и читателя. Е.М. Масленникова утверждает, что в текстовом пространстве тесно взаимодействуют автор и его читатель, так как «текст представляет собой ту точку реального физического пространства, в котором «встречаются» автор, выстраивающий собственную проекцию текста, и читатель, также фиксирующий проекцию текста, исходя из действующего в момент обращения к нему принципа «что – есть – текст – для – меня – здесь – и – сейчас» [1: 244].

Текст рассматривается как «произведение речетворческого процесса, объективированное в виде письменного документа» [2]. Он имеет статический характер. Однако в последнее время многие исследователи отмечают динамичность текста, проявляющуюся в коммуникации автора и читателя, воспринимающего сообщение автора. Ю.Н. Земская, И.Ю. Качесова и др. считают, что «текст следует рассматривать в системе «говорящий – текст – слушающий». И это предполагает обращение к коммуникативной ситуации и к коммуникативному акту» [3: 61].

Однако в рамках текста может осуществляться также коммуникативная деятельность иного рода – взаимодействие текста с другими текс-

тами извне, когда текст существует, т.е. создаётся и воссоздается – воспринимается в межтекстовых пространствах с другими текстами [4: 7]. В этом случае можно говорить об интертекстуальности, рассматриваемой в качестве содержательной категории текста и характеризующейся как «способствующая соотнесению текстовых высказываний с его ... (не данными напрямую в опыте коммуникации) референтами – другими текстами культурного пространства» [5: 7-8].

Интертекстуальность – это способ привлечения автором других текстов с целью реализации своего намерения. Художественный текст автора представляет в такой ситуации «бытие» на пересечениях с другими текстами» [5: 78]. Поэтому Ю. Кристева пишет, что «любой текст строится как мозаика цитат, любой текст – продукт впитывания и трансформации какого-нибудь другого текста» [6: 99].

Приём привлечения других текстов используется авторами с целью более полного раскрытия их замысла читателями. В.Е. Чернявская утверждает, что «приём интертекстуальности способствует пониманию адресатом намерений автора: «читатель, воспринимая тематически включенные тексты с текстом автора в их диалогической соотнесенности, способен определить авторскую интенцию» [7: 187]. Так, автор вводит в свой текст намёк на высказывание прецедентных лиц, которое цитирует персонаж в ходе коммуникативного акта. Второй собеседник согласен с ним и раскрывает эту тему. Читатель воспринимает идею автора, как в процессе чтения текста, так и в ходе осмысления высказывания известного лица: *помнишь ли ты, что ответил губернатор Старк своему помощнику Бердену, когда тот отказался искать компромат на кристально честного судью?*

Настя без запинки произнесла:

– Человек зачат в грехе и рождён в мерзости, и путь его – от пеленки зловонной до смердящего савана. Всегда что-нибудь есть.

– У нас было много ошибок и промахов. Но главное наше достоинство в том, что мы умеем эти ошибки и промахи вовремя видеть и не опаздываем их исправлять (А. Маринина. Стечение обстоятельств, с. 129-130).

Второй способ введения текста извне – аллюзия, т.е. воспоминания о каком-либо давнем эпизоде:

– Я долг пришёл вернуть, – тихо сказал Гордеев ему в спину.

– Я тебе, Гордеев, в долг не давал.

– Вы мне парня спасли. В прошлом году на даче у Евсея Ильича гордеевские ребята брали двух вооружённых преступников, и Дорман, поддавшись внезапному и необъяснимому порыву, спас Юру Короткова от верной гибели (А. Маринина. Стечение обстоятельств, с. 222).

А. Стельмашук, Я. Монюшко-Яхонюк утверждают, что диалогичность как текстовая категория представляет собой «систему разноразрядных языковых средств, объединённых в письменной речи общей функцией выражения диалогичности, включающей адресацию как маркированность диалогичности, связанной с фиксацией адресной направленности, представленной системой средств однонаправленного характера (на синтаксическом уровне: обращение, вводные слова, побудительные предложения, структуры с местоимениями второго лица или их заменителями); и диалогизацию как синтаксическую маркированность, <...> (диалог, конструкция с прямой, косвенной и цитированной речью, а также вопросно-ответный комплекс)» [8: 87].

Диалог текста извне и текста автора осуществляется в процессе взаимодействия героев обоих текстов: высказывание героя чужого текста наталкивает героя авторского текста к совершению действия.

В нижеследующем тексте используются такие приёмы диалогизации, как побудительные предложения. Персонажи произведения вступают в диалог, в процессе которого один из героев раскрывает суть намёка и

вводит в текст автора аллюзию-ситуацию: *никто не понял бы, если бы она про теорему Ферма не сказала. Тогда Колобок догадался, что нужно звонить Лешке Чистякову. Оказывается, когда они ещё в физматшколе учились, у них такое упражнение было – найти формулу простого числа. Сидели они сидели, потом пошли в кино, а там французский детектив, а в нем очень похожая ситуация развивалась: преступник хочет подбросить кому-то улики – инсценировать самоубийство. И вдруг Аська говорит: все мне понятно, пошли отсюда, лучше будем формулу девяти и пятнадцати искать* (А. Маринина. Стечение обстоятельств, с. 311-312).

Намек на ситуацию извне помогает героям авторского текста решить задачу с теоремой Ферма. А ситуация с числами «девять – пятнадцать», аллюзия с эпизодом из французского детектива помогают довести до читателя идею автора. Диалогизация двух текстов (чужого и авторского) проявляется как факт межтекстового общения при помощи межличностного общения автора цитаты и героя произведения, когда цитата (внешний текст), служащая стимулом, вызывает реакцию со стороны персонажа авторского текста. Взаимодействие участников текстовой коммуникации проявляется в согласованности позиций и мнений участников внешнего и внутреннего текстовых пространств. Так, историческая аллюзия о языческом божестве племени галлов: змея с головой барана помогает писателю развить сюжет. Героиня догадывается о том, кто преступник по расположению фигурок в шкафу: *Знаешь, чего я больше всего боялся? – говорил Насте на другой день Гордеев. – Я боялся, что ты ошиблась с кличкой и у Филатовой был не Галл.*

– Его любовь к истории подвела. Эти стеклянные фигурки – символы годов по восточному календарю. Тигр, обезьяна, петух, овца и так далее... А в расположении фигурок есть ... неправильность. Они все расставлены в том порядке, в каком идут по календарю. Все, кроме вот этих двух: змеи и барана. Они стоят рядом и чуть-чуть под углом друг к другу. У

галльских племен было языческое божество: змея с головой барана. Убийца провёл в квартире много времени, видимо, заскучал и нашёл себе развлечение, решил посмотреть, как выглядит змея, если ей приставить баранью голову.

– *Но вывод-то оказался правильным* (А. Маринина. Стечение обстоятельств, с. 317-315).

В процессе взаимодействия текста извне и авторского текста в сознании адресата (читателя) возникает как бы двутекст. А. Вежбицкая так объясняет понятие двутекста: «лицо А говорит: «Долго <...>. Лицо В слушает и старается понять <...>. Лицо В стенографирует в уме мысленную запись текста <...>. Но в голове вдумчивого слушателя возникает параллельно стенограмма комментариев» <...>. Следовательно, в сознании слушающего возникает двухголосный текст» [9: 403].

Такой двутекст как взаимодействие коммуникантов текста извне и авторского текста с читателем, комментирующим услышанное в ситуации двутекста, мы наблюдаем в нижеследующей ситуации: автор приводит цитату – поговорку: *не ломись в открытую дверь*. Это текст извне помогает героине Насте расшифровать высказывание других героев и избежать ловушки, ср.: *Возле кассы ожесточенно спорили двое мужчин:*

– *Всю жизнь до Москвы и обратно билет стоил два восемьдесят.*

– *С первого июля цены подняли! В два и семь десятых.*

– *Ну правильно, в два и семь. Так почему она взяла с меня семь пятьдесят шесть?*

Настя привычно разделила в уме новую цену на старую. Этот спорщик ломится в открытую дверь, подумала она.

– *Но при чём тут открытая дверь?*

– *Короче говоря, все эти слова у кассы должны были обозначать: не ломись в открытую дверь. Аська же умница, она их правильно перевела с птичьего языка на человеческий: не входи в ту дверь, которая будет*

открыта, ищи ту, которая заперта (А. Маринина. Стечение обстоятельств, с. 312). Суть двутекста заключается в перекличке пословицы с ситуацией в авторском тексте, а также с ситуацией о птичьем языке Насти и её мужа: *Знаешь, когда люди столько лет вместе, у них вырабатывается свой язык, который постороннему не понять*». В ситуации авторского текста мужчины у кассы говорят на птичьем языке, знакомом героине Насте и она понимает, о чём идёт речь. Ситуация двутекста развивается таким образом (супруги говорят на птичьем языке, ситуация внешняя №1), мужчины у кассы повторяют фразы этого языка (ситуация в авторском тексте №2), Настя понимает этот язык и делает выводы (ситуация №3), читатель воспринимает правильно запутанную ситуацию, благодаря фразам, приведенным автором текста извне (ситуация №4).

Таким образом, анализ взаимодействия авторского и чужого текстов показывает, что сцепление их осуществляется в процессе коммуникации, когда персонажи чужих текстов при помощи своих высказываний (цитат), манеры поведения в сходных ситуациях вступают в диалог с героями авторских текстов, с самим автором, дополняя его мысли, усиливая воздействие авторского текста на читателя. В данном случае осуществляется межтекстовое взаимодействие, диалог между авторским и чужим текстом при помощи средств диалога и диалогизации.

Библиографический список

1. Масленникова Е.М. Культурное пространство художественного текста и модель поэтического мира // Когнитивные исследования языка. Вып. XII: Теоретические аспекты языковой репрезентации: сб. науч. тр. М.: Ин-т языкознания РАН, Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 1981. С. 242 – 249.
2. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 2008. 144 с.

3. Земская Ю.Н., Качесова И.Ю., Комиссарова Л.М и др. Теория текста. М.: Флинта: Наука, 2010. 224 с.
4. Сидоров Е.В. Проблемы речевой системности. М., 1987. 138 с.
5. Бразговская Е.Е. Текст культуры: от события к событию (логико-семантический анализ межтекстовых взаимодействий). Пермь, 2004. 284 с.
6. Кристева Ю. Бахтин М.М. Слово, диалог и роман // Вестник МГУ, серия 9. Филология. М., 1955. №1. С. 97-124.
7. Чернявская В.Е. Интертекстуальное взаимодействие как основа научной коммуникации. СПб.: Издательство ГУЭФ, 1999. 209 с.
8. Стельмашук А., Монюшко-Яхонюк Я. Диалоговые отношения в различных речевых сферах (Лингвистически аспект) // Русское слово в мировой культуре. СПб.: Политехника, 2003. С. 85- 93.

УДК 004.77; 316.77

ДИСКУРС АВТОРСКОЙ ТЕЛЕПРОГРАММЫ (В МАТЕРИАЛЕ КАЗАХСТАНСКИХ ТЕЛЕКАНАЛОВ)

Сапина С.М.¹, Дауылбаева Н.О.²

¹Казахский университет технологии и бизнеса

г. Нур-Султан, Казахстан

²Актюбинский региональный университет им. Х. Жубанова

г. Актобе, Казахстан

В статье рассматривается формат авторских телепрограмм как вид медиадискурса, представленный гипержанром специального формата (сложная структура публицистических жанров) в виде отдельного медиадискурса, отражающего его формальные и идейно-содержательные особенности.